

ГАОУ ВО г. Москвы МГПУ

**Евразийский проект
модернизации
России: история
и современность**

Коллективная монография

Инна Бирич

**Евразийский проект модернизации
России: история и современность.
Коллективная монография**

«Издательские решения»

Бирич И. А.

Евразийский проект модернизации России: история
и современность. Коллективная монография / И. А. Бирич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968552-0

Данная монография может быть интересна как студентам, так и преподавателям, а также людям, занимающимся профессиональными исследованиями в областях философии и социальных наук, и всем, кто неравнодушен к проблеме развития, остро стоящей перед современной Россией.

ISBN 978-5-44-968552-0

© Бирич И. А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Дорога России в будущее (Бессонов Б. Н.)	6
Глава 1. Евразийство: генезис идей	9
1.1. Великий «Востоко-Запад»: проявление мифа в реальной истории (Кондаков И. В.)	10
Литература	13
1.2. «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьева в контексте понимания восточного вопроса (Агуреев С. А.)	14
Литература	18
1.3. Поиск беловодья как одна из причин освоения русскими Сибири (Бирич И. А., Тебелев И. С.)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евразийский проект модернизации России: история и современность

Коллективная монография

Редактор Инна Алексеевна Бирич

ISBN 978-5-4496-8552-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Дорога России в будущее (Бессонов Б. Н.)

В 1990-е годы ряд политических деятелей нашей страны, принадлежащие как к правящим кругам, так и к оппозиции, а также многие представители интеллигенции вспомнили вдруг о евразийстве – общественно-философском направлении, возникшем в среде русской эмиграции в первой трети XX столетия.

Что такое евразийство?

Движение евразийства привлекло к себе внимание в общественной мысли Европы в 20-е гг. XX в. после Октябрьской революции и Гражданской войны в России. Оно объединило общим настроением и мироощущением таких людей, как Г. В. Флоровский и Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, П. П. Сувчинский, Д. П. Святополк-Мирский и др.

Всем трудам евразийцев было присуще острое антизападничество. Это общее настроение евразийцев заключается в том, что, по их мнению, западничество видело в Европе лишь внешние успехи цивилизации и не замечало стоящее за ними труд и творчество людей Западной Европы. Русские западники лишь подражали готовым формам, выработанным на Западе. В конечном счете, это вело к упадку отечественной культуры, к недооценке ее достижений. Наряду с этим рождало утопические взгляды на будущее. Революция, с точки зрения многих евразийцев, «не есть сущность русская». Она является результатом многовекового влияния европейских идей, нацеленных на материальный прогресс, что всегда противоречило русскому психологическому типу.

Напротив, Н. С. Трубецкой считал, что именно большевики своей разрушительной работой остановили процесс навязывания России культуры романо-германского мира. Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский также признали большевистскую революцию. Она, по их мнению, явилась восстанием народа против Запада, привела к укреплению государственности, создала фундамент для становления новой русской цивилизации – России-Евразии. В частности, Л. П. Карсавин считал, что по крайней мере «за время революции органически создались основы новой русской государственности, соответствующие культуре России-Евразии».

Евразийцы особое внимание уделяли российскому ландшафту, русскому «месторазвитию», по определению П. Савицкого. В отличие от стран Европы, сформировавшихся на относительно неизменном и однотонном ландшафте, Евразии соответствует особый лесостепной ритм географическо-климатического развития. Евразийцы думали о будущем России после краха империи и в предчувствии чудовищной катастрофы, которая вскоре разразилась в самой Европе.

Сегодня мы снова думаем о будущем России. Разрушен СССР. Наше политическое положение резко ухудшилось. Все это побуждает нас, россиян, осознать происходящее. Что же теперь значит национальная идея и в чем ее смысл? Как избежать ее искажения, деформации, мифологизации?

Мы должны видеть в национальной идее реальное и утопическое содержание. Нужно добиваться, чтобы в этой идее главными ее характеристиками были справедливость, честность и правда. Бесспорно, народу нужна идея, но при ее разработке важно учесть реальные достижения и трагические ошибки исторического пути России. Нам также важно иметь в виду и момент своевременности провозглашения тех или иных идеалов, лозунгов, готовности широких народных масс принять те или иные ценности и цели.

Российская история, говоря словами Н. Г. Чернышевского, не похожа на ровный тротуар Невского проспекта. Сложность и противоречивость развития страны отразились в особенностях характера народа, что очень точно подметили многие мыслители, обращая внимание на «антиномичность» русской души.

Поляризованность, склонность к крайностям русской натуры определяли многие повороты и изломы в судьбе страны, поскольку историю делают живые люди, носители своих «отечественных» как достоинств, так и недостатков.

Многие сегодня склонны думать, что стоит вернуться к сильной власти, взять расшатавшееся общество в «ежовые рукавицы» и все будет поставлено на место. Выход из положения – не на пути консервирования, замораживания старых форм жизни, а на пути ускоренного социального творчества, развития демократии, утверждения свободы, социальной справедливости. И ответственности гражданина за судьбу своей страны. Вот задачи, какие сегодня отвечают нашим духовным и практическим запросам.

С. Л. Франк, анализируя послереволюционную Россию, предостерегал, что не надо крайностей, не надо слепой веры в какой-либо совершенный общественный строй. Надо каждому жить честно, благородно, по совести. Всякая попытка парализовать индивидуальную волю и силу духа, питаемую изнутри, приводит к потере человеком своей сути, ведет к параличу и омертвлению жизни, к разложению и гибели общества, – подчеркивал С. Л. Франк.

Евразийцы мечтали, чтобы политики были духовно связаны со своим народом. И стержень этого – любовь к Родине, русская культура, народный дух, это дух готовности служить общему делу. Именно на таком пути можно укрепить связь, единство власти и народа, спасти, воскресить Россию!

Наша родина – Россия-Евразия – должна взаимодействовать, обмениваться достижениями со всеми странами Запада и Востока, Севера и Юга. Видеть и отвергать все то, что нам может принести вред, принимать все то, что способствует нашему развитию. Главное – соблюдать свои национальные интересы, чтить историю своей страны, своего народа.

Россия, действительно, во многом отличается от Запада. В этом евразийцы правы. Она никогда не была нацией-государством, государством одного этноса. Она развивалась как политэтническая общность и тем отторгала модель национального государства. Россия, действительно, – «Запад-Восток», и в этом смысле Россия есть Евразия, она сформировалась, впитав в себя ценности национальных и этнических культур населявших Евразию народов.

Мы достигнем успеха в деле возрождения нашей Родины, если будем опираться на нашу историю, возвращать те общественные формы, которые покоятся на коллективизме, общности, сотрудничестве. Конечно, надо учитывать и изживать те недостатки, которые вытекают из наших традиций (уравнительность, иждивенчество, надежда на «лучших людей» и т. д.). Бесспорно, нам надо строить гражданское общество.

Н. Я. Данилевский был, конечно же, прав, когда утверждал, что воздвигнутое русским народом государственное здание менее всего основано на крови и слезах попраных народов. Весьма часто русский народ принимал под свою защиту народы, которые, будучи окружены врагами, не могли сохранить свою национальную самостоятельность. Лорд Керзон, хорошо знавший, что такое колониализм, писал о России, что она обладает даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой. Русские братаются в полном смысле слова. Они свободны от высокомерия, не уклоняются от социального и семейного общения с народами чуждой культуры.

А Советский Союз? Советский союз также жил и развивался, опираясь на дружбу и солидарность входящих в его состав народов.

Евразийцы предчувствовали, что только возродив себя в качестве свободного народа, народа-патриота, уважающего свою историю, свои традиции, выработавшего свой социальный идеал, создав гражданское общество на подлинно гуманных основаниях, тогда и только тогда

Россия – Евразия сможет сказать миру свое слово, свою мысль, сможет содействовать «всемирному примирению» других народов, духовному «всеединству» человечества и доказать, подтвердить тем самым высокий смысл своей национальной идеи, своего жизненного предназначения.

Обо все этом и шла речь на межвузовской научной конференции «Евразийский проект модернизации России: история и современность», организованной общеуниверситетской кафедрой философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, чьи материалы вошли в данную монографию, которую мы предлагаем вашему вниманию.

Глава 1. Евразийство: генезис идей

Городок

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутый,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка по реке,
К цели ведомой уходящая...

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.

В крепко слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза все такие темные...

Крест над церковью вознесен,
Символ власти ясной, Отческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

*Николай Гумилев. 1918 г.
(из книги «Костер»)*

1.1. Великий «Востоко-Запад»: проявление мифа в реальной истории (Кондаков И. В.)

Подводя итоги своим полувековым размышлениям о судьбе и истории России, Н. А. Бердяев, не чуждый идеям евразийства, писал в книге «Русская идея»: «Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [2: с. 4—5]. Именно здесь была внятно и последовательно изложена наиболее трезвая и взвешенная концепция евразийства из числа рожденных в Русском Зарубежье. В ней Россия, а вместе с ней и вся Евразия представляли как единство и борьба противоположностей – западных и восточных культур и цивилизаций, образующих в совокупности мировую общечеловеческую культуру.

Характеристика сообщества евразийских народов и культур носит сложный и неоднозначный характер. Во-первых, это сообщество межконтинентально (между Европой и Азией, между оседлостью и кочевничеством); во-вторых, полиэтнично (в языковом отношении образовано сложной конфигурацией славянских, тюркских и финно-угорских, а также ряда других неиндоевропейских языков – кавказских, палеоазиатских); в-третьих, поликонфессионально. Однако своеобразие евразийского культурного пространства этим не исчерпывается. Культурное напряжение, постоянно присутствующее в евразийском пространстве, определяется не только взаимодействием факторов «Запад» и «Восток», но и факторами «Север» – «Юг». Особый характер евразийского культурного пространства составляют многократные наслоения смежных культурных пространств: западноевропейского и восточноазиатского, исламского и американского, усиливающие внутреннюю противоречивость и внешнюю пограничность евразийского культурного сообщества. Этот культурный плюрализм во многом определяет и становящийся глобалитет евразийского сообщества [4: с. 27—33].

Самое первое предвосхищение евразийского проекта мы видим еще в Древнем мире – с наступлением эпохи эллинизма. Походы Александра Македонского, создание огромной евроазиатской империи, объединившей наследие греческой античности с достижениями ближневосточных культур (египетской, месопотамской и др.); примирение греческой и персидской цивилизаций, в эру античной классики казавшихся взаимоисключающими, культурная и геополитическая интеграция Евразии того времени в культуре ранней Византии – оставил нам С. С. Аверинцев это глубокое наблюдение [1: с. 262].

В Новое время генезис евразийства восходит к глобалистским утопиям Просвещения. Уже в культовых текстах раннего Просвещения – «Дальнейших приключениях Робинзона Крузо» Д. Дефо, в «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта, «Философских повестях» Вольтера, в «Персидских письмах» Ш. Монтескье, даже в «Нескромных сокровищах» Д. Дидро предпринимается попытка, нередко наивная, увидеть человечество и мир в целом не через призму одних только европейских традиций, ценностей и представлений, но и включая горизонт незападных культур (азиатских, прежде всего; реже американских и африканских). Сравнительный и сопоставительный анализ европейских и азиатских культур постепенно привел к мысли о взаимодополнительности гетерогенных культур, необходимой и неизбежной для понимания общечеловеческой, всемирной культуры, для прогнозирования путей интеграции человечества, единства мирового сообщества. Важным текстом, предвосхищавшим евразийскую идею на Западе, был уникальный поэтический сборник И.-В. Гёте «Западно-Восточный диван», несший черты просветительского универсализма.

В России генезис евразийства своими корнями также уходит в эпоху Просвещения. На смену апологии русско-турецких войн приходит представление о единстве Запада и Востока, их взаимопроникновении – социальном и культурном. Сюжетные и характерологи-

ческие экскурсии русской литературы XVIII в. в евразийскую тематику довольно редки, но представляли собой запоминающиеся артефакты. Действие трагедии А. П. Сумарокова «Аристона» происходит в Древней Персии, но царь Дарий в типично классицистическом духе излагает в своих монологах преимущества разума над страстями. Авантюрные романы Ф. А. Эмина («Похождения Мириманда») наполнены путешествиями в экзотические восточные страны (среди которых Египет, Турция, Тунис), хотя никакого проникновения в своеобразие восточных культур или характеров здесь ожидать не приходится. Историческая трагедия Н. П. Николаева «Сорена и Замир» посвящена древнерусско-половецким отношениям, а действие его оперы «Феникс» происходит в гареме турецкого султана. Наконец, в творчестве Г. Р. Державина императрица Екатерина II получает титул «богоровная царица киргиз-кайсацкия орды», который ей, урожденной немецкой принцессе, кажется очень лестным. Окружающие ее вельможи именуется «мурзами». Россия, таким образом, предстает одновременно европейской просвещенной державой и азиатской ордой. Ее всемирное значение вне связи с Востоком невозможно.

В XIX веке Восток (и отчасти Юг) в русской культуре ассоциируется прежде всего с темой Кавказа. Многие произведения Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого на разные лады обыгрывают ландшафт и население Кавказа как единое целое с Россией; это природное, этническое и культурное единство дается трудно, противоречиво: до начала XX века читателю русской литературы остается неясно, то ли Россия подчиняет себе Кавказ («Кавказ подо мною...»), то ли Кавказ навсегда берет Россию в плен («Кавказский пленник» – от Пушкина до В. Макина). Кавказ надолго становится символом русского Востока, в котором единство и борьба противоположностей оказывается механизмом евразийской интеграции на Юге России. Так обстоит дело и в русской музыке – от Глинки до представителей «Могучей кучки» и от А. Глазунова до С. Прокофьева.

Во второй половине XIX века евразийская идея приобретает новые очертания. Во-первых, славянофильское понимание Востока как всемирного славянства, противостоящего романо-германской Западной Европе, показалось недостаточной альтернативой Западу, и К. Н. Леонтьев в борьбе со всемирной опасностью либерально-эгалитарного прогресса, идущего из Западной Европы вместе с революционными настроениями, предлагает ориентацию сначала на Византию. Но Византия уже давно не существует в реальности, она иллюзорна и потому не является спланирующим образцом для славянских народов. Тогда он разворачивается на настоящий азиатский Восток (Турцию, Персию, Индию и др.), поскольку национальное творчество в этих странах доминирует над подражанием Европе и европеизму. Россия и все славянство предстают в этом глобальном контексте своего рода межумочным культурным пространством – между Западной Европой и азиатским Востоком, т.е. как Евразия. В своем стремлении к глобальному отчуждению от Запада леонтьевская Россия начинает медленно дрейфовать в сторону Востока, оставаясь при этом Россией и наследницей Византии.

Во-вторых, на базе тех же почвеннических идей, у Ф. М. Достоевского складывается концепция «всемирной отзывчивости», которую он развивает применительно к творчеству Пушкина, но экстраполирует и на всю русскую культуру. По Достоевскому, противоположность западничества и славянофильства уже не покрывает своеобразие русской культуры, которая призвана собою интегрировать человечество в целом, включая Европу [3: с. 145—148]. В последующей интерпретации В. С. Соловьева эта идея Достоевского трансформируется в концепцию «трех сил» мировой истории, где первой силой, демонстрирующей господство общего над частным, является метафорический Восток; второй силой, олицетворяющей приоритет частного над общим, оказывается Запад; третьей же силой, воплощенной в России (и отчасти в славянстве), выражена гармонизация частного и общего, централизма и демократии, свободы и сплоченности, преодолевающая ограниченность и Запада и Востока, «снимающая» в себе их противоположность [6: с. 19—31]. Фактически Россия у Соловьева приобре-

тает статус Евразии, смысл которой не в ее противоположности Западу или Востоку, а в их взаимной дополнительности, в осуществлении культурно-цивилизационного «моста» между Западом и Востоком. Так, у В. Соловьева рождается концепция мирового «всеединства», центральное место в реализации которой принадлежит многонациональной России.

В это же время и позднее Л. Н. Толстой в своем стремлении к объединению человечества вокруг учения Христа, не искаженного церковными интерпретациями, обращается к восточной мудрости древнего Китая (Лао-цзы, Конфуций и др.) и Индии, усматривая в русском богословии органическое родство с восточными религиями, философскими и мистическими учениями. Между тем русские символисты пытались обрести синтетические формы мировой культуры на пересечении символики западных и восточных культур.

По-своему идея глобальной интеграции человечества вокруг идей мировой революции и планетарного коммунизма развивалась и начинающими русскими марксистами, видевшими в России продолжение инициатив западного марксизма и детонатор революции на Красном Востоке (в Турции, Персии, Индии, Китае и т. д.). Впрочем, универсальность лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в СССР и представление о России как стране, первой проторившей путь к социализму, как нельзя лучше демонстрировал жизнеспособность идей глобализма и мессианизма на евразийском пространстве, как и сама евразийская идея, родившаяся в русской эмиграции, объяснявшая феномен советского тоталитаризма синтезом кочевых и оседлых традиций; восточного деспотизма и европейской революционной демократии; коллективизма и идейного централизма, перманентного насилия и жесткой военной организации.

В глазах всех, отстаивавших идеологию глобализма в Евразии, от В. С. Соловьева до В. И. Ленина и первых евразийцев (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и др.), универсальность Евразии как «месторазвитие» глобализации объяснялась ее принципиальными полиэтничностью, поликультурностью, поликонфессиональностью и полилингвистичностью. Например, Россия – самое обширное по территории и численности населения евразийское государство – представляла как «мир миров»: по степени интегрированности в ней различных народов, их культур и верований, по уровню сложности подобной интеграции, сопоставимой со всем мировым сообществом, а значит, являла собой модель социокультурного всеединства и глобализации в свернутом виде.

Этим *евразийский глобалитет* (мера сопричастности множества смежных локальных культур Евразии – мировой культуре как целому) был по своей структуре и смысловому наполнению несравненно ближе глобальному культурно-цивилизационному всеединству, нежели другие, более однородные и непротиворечивые глобалитеты (западноевропейский, латиноамериканский, дальневосточный, исламский и др.), за исключением только, быть может, собственно американского [5: с. 135—143].

Этим объяснялась жизнестойкость биполярного мира, державшегося на глобальном паритете США и СССР – при нейтралитете «третьего мира» неприсоединившихся стран. Этим объясняется сегодня и бросающаяся в глаза несовместимость евразийского глобалитета с западноевропейским и американским, а также, по-своему, с исламским и во многом с дальневосточным (китайским, корейским и японским). Евразийский глобалитет, при всей своей противоречивости, держится на поддержании цивилизационного «взаимопора», парадоксально соединяющего противоположности и удерживающего хрупкое равновесие гетерогенных культур в интегральном целом (подобном РФ или даже СНГ).

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
2. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли века XIX и начала XX века // Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 3—220.
3. *Достоевский Ф. М.* Пушкин (Очерк) // Он же. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 136—149.
4. *Кондаков И. В.* Евразийский глобалитет // Евразийская идея в эпоху становления глобальной культуры: Тезисы докладов Международной научной конференции. Баку: НАН Азербайджана, Институт архитектуры и искусства; МК РФ, ГИИ, 2012. С. 27—33.
5. *Кондаков И. В.* Евразийский глобалитет (к постановке проблемы) // *Universum: Вестник Герценовского университета.* 2012. №11. С.135—143.
6. *Соловьев В. С.* Три силы // *Он же.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 19—31.

1.2. «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьева в контексте понимания восточного вопроса (Агуреев С. А.)

К. Н. Леонтьев – выдающийся русский ученый-евразиец, историк и писатель, публицист и литературный критик, автор концепции «византизма» как русской национальной идеи исходил из понимания важности Восточного вопроса, который по его мысли мог превратить Россию в центр притяжения для всех славянских народов. Восточный вопрос поднимался в работах крупнейших российских писателей и историков своего времени, видевших в нем решение главной исторической задачи России в помощи славянским народам, находившимся, под гнетом Османской империи. Еще С. М. Соловьев указывал на необходимость освобождения славянских народов Российской империей, рассматривая соперничество цивилизаций как двигатель исторического процесса. Однако первым кто поставил вопрос об историческом противостоянии России и Запада стал Н. Я. Данилевский в своих работах «Россия и Европа» [3], где он выступил с идеей о перемещении центра мировой политики к главному противоречию современной истории – соперничеству славянства и латинства. Решение данного противоречия виделось Н. Я. Данилевским в установлении контроля со стороны России за Проливами и в переделе наследства Османской империи.

Н. Я. Данилевский одним из первых российских ученых пришел к выводу о бесперспективности любой идеи «встраивания» России в Европу, что определяется антагонизмом славянства и латинства, а в контексте Восточного вопроса получает геополитические очертания. Сделанный более 100 лет назад Н. Я. Данилевским вывод об особой значимости Восточного вопроса для России и сегодня сохранил свою актуальность в условиях, когда страны Запада, следуя в фарватере американской политики, всеми силами стараются окружить Россию барьером из недружественных государств и вновь возродить противоречия, казалось, забытого Восточного вопроса уже в зоне Черного моря и фактически вернуть Россию к временам Парижского мира 1856 г.

Следует отметить, что именно обсуждение Восточного вопроса привело к возникновению самобытной школы российской геополитики, представленной именами таких видных ученых как А. Е. Снесарев, К. С. Аксаков, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. А. Чихачев, С. Н. Южиков, В. И. Ламанский, Д. И. Менделеев, Л. И. Мечников [5]. Однако в отличие от большинства геополитических концепций Западной Европы того времени, российские геополитики осмысливали тематику Восточного вопроса в контексте не стремления к владычеству, как это приводится в известной маккиндеровской схеме, и не с точки зрения расширения «жизненного пространства», как мы это видим у Т. Ратцеля, но как защиту своих собственных границ, порожденную стремлением не допустить монополии какой-либо европейской державы в зоне интересов Российской империи и запереть ее в Черном море [1: с. 61]. Особое звучание проблема Восточного вопроса получила в труде адмирала А. Т. Мэхэна «Влияние морской силы на историю», где была выделена роль Средиземноморья в международной политике, т. к. после строительства Суэцкого канала Средиземное море стало «ключом к британским позициям в Индийском океане». Сама борьба за Средиземное море, поэтому приобрела ключевое значение, т.к. великие всемирно-исторические задачи: «... имели предметом обладание морем и контроль над отдаленными странами, обладание колониями и связанными с ними источниками богатства». Фактически труд А. Т. Мэхэна, как и известные работы Х. Маккиндера, утверждали особые права англосаксов на владение Средиземным морем [1: с. 62]. Тематика Восточного вопроса получила развитие и в отечественной историографии. Так, особо следует отметить сборник статей под общей редакцией Н. С. Киняпиной, в котором нашли отражение основные противоречия ведущих европейских держав и Российской империи [2].

Вопрос о будущем наследстве Византийской и Османской империй уже в середине XIX в. превратился в узел международных противоречий. Российский публицист и историк, крупнейший представитель российского евразийства XIX в. К. Н. Леонтьев также оставил ряд научных трудов, посвященных решению Россией Восточного вопроса, основным из которых, является работа «Византизм и славянство». В целом, научные взгляды К. Н. Леонтьева получили подробное отражение в работах российских историков, среди которых наибольшее научное признание получили работы советского историка Н. А. Рабкиной [6, 7]. Подробно раскрытыми в отечественной историографии являются и вопросы, связанные с развитием концепции «византизма» К. Н. Леонтьева, что позволяет не останавливаться подробно на этой проблеме в тексте данной статьи и сразу перейти к рассмотрению проблемы Восточного вопроса в работах К. Н. Леонтьева.

К. Н. Леонтьев в отличие от Н. Я. Данилевского обоснованно полагал, что активное участие России в решении Восточного вопроса путем разрушения Османской империи станет непоправимой ошибкой и, напротив, следует сохранять ее существование, пока не представится подходящий случай для решения Восточного вопроса. Весьма скептически К. Н. Леонтьев оценивал и передачу спорной территории Добруджи Румынии, справедливо полагая, что этот шаг оттолкнет болгар от России и направит их к союзу с Австро-Венгрией. Критически К. Н. Леонтьев относился и к односторонней поддержке Россией сербов на Балканах.

Фактически К. Н. Леонтьев приходит к выводу о том, что не решение исторической задачи Российской империи по выходу к проливам Босфор и Дарданеллы обеспечит стране могущество, а именно тесный союз с Балканскими народами из которых именно болгары могли бы стать, по его мнению, самыми преданными союзниками. Не видел К. Н. Леонтьев и немедленного решения Восточного вопроса военными методами, акцентируя внимание на развитии долговременной стратегии оказания помощи славянским народам. И лишь с решением этой задачи становилось возможным открытое военное противостояние с крупнейшими европейскими державами в лице Англии и Австрийской империи.

При этом К. Н. Леонтьев верил в возможность соглашения с Германией, указывая, что между двумя странами нет неразрешимых противоречий, в то время как основными соперниками России являются Австрия и Англия. К. Н. Леонтьев указывает на то, что без Царьграда (Константинополя – *Прим. авт.*) не будет славянского единства и Россия не сможет реализовать своего исторического предназначения по объединению Балкан. «...поворотным пунктом для нас, русских, должно быть взятие Царьграда и заложение там основ новому культурно-государственному зданию», – отмечает К. Н. Леонтьев в своей работе «Письма о восточных делах» [4: с. 434]. И далее поясняет, что решение исторической задачи лежит через скорую войну с Австрией или Англией: «Скорая и, несомненно (судя по общему положению политических дел) удачная война, – полагает К. Н. Леонтьев, – должна разрешить восточный вопрос и утвердить Россию на Босфоре, даст нам сразу тот выход из нашего нравственного и экономического расстройств, который мы напрасно будем искать в одних внутренних переменах. ... новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а главное, необходим новый центр, новая культурная столица» [4: с. 435].

Такой столицей, по мысли идеолога евразийства, для всех славянских народов, может быть только Константинополь, являющийся символом православия и единения славян. При этом К. Н. Леонтьев исходит из такого понимания укрепления России на Босфоре, при котором Константинополь не будет политической, но духовной и культурной столицей. «... он не должен быть частью или провинцией Российской империи. Великий мировой центр этот с прилегающими округами Фракии и Малой Азии (напр. до Адрианополя включительно и вплоть до наших теперешних границ около Карса) должен лично принадлежать Государю Императору;

т. е. вся эта Цареградская или Византийская область должна под каким-нибудь приличным названием состоять в так называемом „union personelle“ (личном соединении – *Прим. авт.*) с Русской Коронай» [4: с. 435]. Реализация подобного плана по мысли К. Н. Леонтьева фактически приведет к падению роли Санкт-Петербурга как столицы русского государства и к возрождению роли Киева как новой столицы Российской империи, тогда как второй столицей – центром Великого Восточного союза станет Константинополь.

К. Н. Леонтьев указывает, что это «единственно возможный исход» решения Восточного вопроса для России, но для решения великой исторической задачи неизбежно военное столкновение с Австрийской и Британской империями. «...если бы я был призван советовать, то я бы даже посоветовал довести их поскорее до этого. И лучше бы все-таки начать с Австрии; ибо тогда одно чувство самосохранения дало бы нам нравственное право направить из Карса войска к Босфору. Воюя с Австрией, мы имели бы полное право позаботиться, чтобы нашей армии никто не угрожал с юга» [4: с. 436—437]. Как тут не вспомнить написанную много позднее записку «Подготовка к войне в политическом отношении» российским военным министром А. Н. Куропаткиным, который в 1912 г. указывал, обращаясь к событиям Крымской войны: «Отсутствие открытых союзников у России и враги явные не принесли нам столько вреда, сколько предполагавшиеся с нашей стороны враги тайные, в особенности Австрия. Положение, занятое Австрией, казалось Государю Николаю I и фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу настолько враждебным России, возможность вооруженной борьбы с нею одновременно с борьбою с союзными державами представлялось настолько очевидною, что мы главную массу своих войск имели не против врагов явных в Крыму, а на западной границе против держав, предполагавшихся нашими врагами тайными» [8: Л. 49].

Предвидя возможную «нейтрализацию» Константинополя в случае распада Османской империи, т.е. превращения бывших византийских земель в территории, находящиеся под совместным управлением европейских держав К. Н. Леонтьев видел главную угрозу осуществлению главной задачи России, т.к. именно это было способно привести славянские земли еще к большей разобщенности и спровоцировать наиболее острые конфликты между бывшими вилайетами (провинциями – *Прим. авт.*) Османской империи. Обладая даром исторического предвидения, К. Н. Леонтьев справедливо полагал, что раздел территорий Османской империи приведет к еще худшим для России последствиям, чем неудачная Крымская война или долговременная внешнеполитическая изоляция России, т. к. решение Восточного вопроса с превращением Российской империи в мировой центр притяжения славянства станет неосуществимой.

Главный вывод работы К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» – в том, что славянство без византизма не имеет, ни идейной, ни политической силы и лишь православие придает русской истории миродержавное значение и смысл в масштабах Евразии. Без этого российская цивилизация не смогла бы стать монолитом и центром притяжения для других народов, тогда как Н. Я. Данилевский видит в этом лишь корень антагонизма и идейного несходства с Западом и больше говорит об экспансии Европы против России, утверждая, что русская цивилизация молодая. К. Н. Леонтьев, напротив, говорит, что российская цивилизация не моложе западной, но Запад идет к своему закату из-за господства материалистических идеологий. Этот тезис получил наибольшее обоснование в очерке К. Н. Леонтьева «Средний европеец как орудие всемирного разрушения» [4: с. 488—571], где автор приходит к выводу о духовной гибели Запада с развитием феномена массовой культуры. Россия также может повторить духовный кризис западной цивилизации, если не сможет по К. Н. Леонтьеву реализовать своей исторической задачи и стать центром мирового славянства. Единственный путь к этому по К. Н. Леонтьеву состоит в том, чтобы решить Восточный вопрос и укрепиться на берегах Босфора. Таким образом, решение великой исторической задачи – Восточного вопроса является своего рода защитным механизмом от кризиса и культурного порабощения России западными идеями –

капитализмом и его противоположностью – социализмом. Взгляды К. Н. Леонтьева во многом опередили свое время, а его работы не потеряли своей научной актуальности и сегодня, когда очертания Восточного вопроса в современных исторических условиях вновь стоят перед Россией.

Литература

1. *Болтаевский А. А., Прядко И. П., Агуреев С. А.* Первая мировая война: дипломатическая предыстория, крупнейшие военные операции и внешнеполитические итоги. Монография. М.: Спутник, 2016. 257 с.
2. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / Отв. ред. Н. С. Киняпина. М.: Наука, 1978. 440 с.
3. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995. 514 с.
4. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство: сборник статей. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 571 с.
5. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004. 536 с.
6. *Рабкина Н. А.* «Византизм» Константина Леонтьева // История СССР. 1991. №6. С. 28—44.
7. *Рабкина Н. А.* Исторические взгляды К. Н. Леонтьева // Вопросы истории. 1982. №6. С. 34—48.
8. Российский Государственный Военно-Исторический Архив. Ф. 165, Оп. 1, Д. 1803. Л. 49.

1.3. Поиск беловодья как одна из причин освоения русскими Сибири (Бирич И. А., Тебелев И. С.)

Идеи «евразийства», изучение самобытности национальной культуры у русских философов в условиях зарубежья не возникли на пустом месте. Всю вторую половину XIX и начало XX вв. русская мысль формировалась под воздействием идей славянофильства и патриотизма. Жаркие дискуссии с западниками о самобытности русской истории и культуры подкреплялись открытиями в области изучения устного народного творчества, перевода его феноменов во время филологических экспедиций в письменную форму. Начиная со сборников обрядовых народных песен, издававшихся П. Киреевским в 1860-е гг., русских народных сказок, пословиц и поговорок, опубликованных А. Афанасьевым в 1855—1863 гг., литературных сказок А. Пушкина, П. Ершова, К. Аксакова, поэтически обработавших народные сюжеты, глубокий интерес к народному сознанию вылился в известный четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, который тот, с благословения А. С. Пушкина, готовил более 40 лет [5]. Он включал в себя 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц и поговорок.

Было также исследование А. Потебни (середина 1860-х гг.), посвященное философии языка и мифа, существовавшего в народе в устной форме. Сюда же надо присовокупить издание этимологического словаря русского языка А. Преображенского (1910—1918), согласно которому 40% собственно русских корней имеют санскритское или тюркское происхождение [10], подтверждая индоевропейский источник восточнославянского языка и сознания [4]. В свете данных исследований представление о Родине приобретало весьма расширительный характер, намного превышающее представление о ней только в границах государства. Одни философы рассматривали Россию как главного участника движения народов к богочеловечеству (В. Соловьев), другие – как важную единицу космического мира (Н. Федоров, К. Циолковский).

Удивляло распространение и схожесть сюжетов устного народного творчества, декоративно-прикладного искусства, музыкального фольклора по всей стране – от украинских степей до сибирских рек, лесов и гор. Значит, были носители русского сознания, мигрировавшие с запада на восток. Официальное освоение русским государством пространств Западной и Восточной Сибири началось во второй половине XVIII в., но ее постепенное заселение русскими фактически началось за 100 лет до этого. Этими русскими были православные люди, крестьяне, но с особым типом религиозного сознания.

Далее мы считаем необходимым немного коснуться истории раскола русской церкви и зарождения такого явления, как старообрядчество в XVII в.

Причины раскола зародились задолго до реформ патриарха Никона. К середине XV в. псковский игумен Евфросин совершил поездку в Константинополь, столицу Византии, целью которой было выяснение некоторых тонкостей православного богослужения. Утвердившись в правильности совершаемого на Руси обряда и вернувшись в монастырь, Евфросин стал распространять константинопольские правила богослужения. В итоге после споров подобный порядок был принят на соборе 1490 г. при Иване III [6: с. 91]. На другом соборе 1504 г. обсуждались разногласия между игуменом Волоцкого монастыря Иосифом и известным на Руси преподобным старцем, насельником Заволжских пустынь Нилом Сорским. Спор шел о «материальном нестяжательстве» как о задаче религиозной организации. Стяжать нужно дух, но не богатство, по уверению последнего. Собор поддержал Иосифа Волоцкого, а многочисленные скиты позже были разорены Иваном Грозным. Насельники бежали на север [11: с. 186].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.